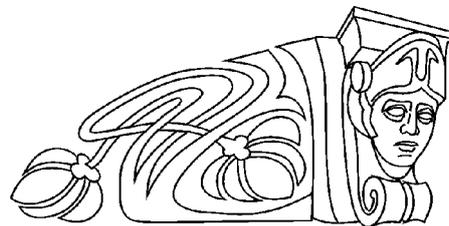

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 537–544
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 537–544
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544>, EDN: TBRTCO

Научная статья
УДК 323.381.3(470.44)|18/19|

Причины и особенности проявления насильственных форм аграрного движения накануне Первой российской революции (по материалам Саратовской губернии)

Ж. А. Утиулиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Утиулиев Жанбек Аигалиевич, соискатель кафедры истории России и археологии, zh.utiuliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0489-1182>, AuthorID: 1054420

Аннотация. В статье предпринято исследование насильственных форм аграрного движения позднеимперской России как наиболее опасных и деструктивных способов крестьянского протеста в социально-политическом, правовом и хозяйственно-экономическом отношении. На примере Саратовской губернии выявляются причины, побудительные мотивы и делинквентные методы выражения различных противоправных эксцессов в крестьянской среде. Основное содержание составляет анализ насильственных форм аграрного движения в России в начале XX в. как разновидностей аграрного террора. По итогам исследования сделан вывод о том, что специфика аграрного движения накануне Первой российской революции в целом по стране и в Саратовской губернии в частности характеризовалась эскалацией крайних форм насильственных действий крестьян в отношении землевладельцев.

Ключевые слова: аграрный террор, крестьянское движение, насилие, протест, эскалация

Для цитирования: Утиулиев Ж. А. Причины и особенности проявления насильственных форм аграрного движения накануне Первой российской революции (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 537–544. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544>, EDN: TBRTCO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The causes and features of the manifestation of violent forms of the agrarian movement on the eve of the First Russian Revolution (based on the materials of the Saratov province)

J. A. Utiuliev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Zhanbek A. Utiuliev, zh.utiuliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0489-1182>, AuthorID: 1054420

Abstract. The article examines the violent forms of the agrarian movement of late Imperial Russia as the most dangerous and destructive ways of peasant protest in socio-political, legal and economic terms. Using the example of the Saratov province, the author identifies the causes, motivations and delinquent methods of expressing various illegal excesses in the peasant environment. The main content of the study is the analysis of violent forms of the agrarian movement in Russia at the beginning of the XX century, as varieties of agrarian terror. According to the results of the study, it was concluded that the specifics of the agrarian movement on the eve of the First Russian Revolution in the whole country, and in the Saratov province, in particular, were characterized by an escalation of extreme forms of violent actions of peasants against landowners.

Keywords: agrarian terror, peasant movement, violence, protest, escalation

For citation: Utiuliev J. A. The causes and features of the manifestation of violent forms of the agrarian movement on the eve of the First Russian Revolution (based on the materials of the Saratov province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 537–544 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544>, EDN: TBRTCO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Аграрный вопрос в судьбе Российского государства всегда занимал чрезвычайно важное место, так как от его решения зависело не только положение подавляющей части населения страны, но и в целом хозяйственно-экономическое и социально-политическое развитие страны. Особую злободневность проблематика поземельных отношений, включавшая в себя прежде всего социально-правовой аспект, приобрела в позднеимперский период. Именно на рубеже XIX–XX вв. в аграрных отношениях остро и драматично проявились как застарелые, так и вновь возникшие трудности пореформенного периода, усугублявшиеся на тот момент нараставшими революционными процессами в стране. В конце XIX в. крестьянское движение стало все больше приобретать аграрную направленность, характерным признаком которой становились земельные споры и открытое противостояние крестьян с помещиками, выражавшиеся в уничтожении межевых знаков на границах владений, захвате, запихивании или потраве помещичьих земель, и т. п.

В результате нерешенности властями аграрных проблем, остро проявившихся к началу XX столетия, этот вопрос стал приобретать все более ожесточенный характер конфликта между крестьянами и помещиками, выражавшегося в явном или скрытом противостоянии (противоборстве) крестьянства. Протестный характер аграрного движения традиционно выражался в двух основных видах: формах ненасильственного противодействия (митинг, бойкот, демонстрация, саботаж, порубка леса, потравы, покосы, браконьерство и пр.) и насильственных формах крестьянских выступлений, или по-другому противоправных эксцессов (бунт, поджог, погром, нанесение тяжких телесных повреждений, убийства), которые обобщенно можно расценивать как аграрный террор, направленный против частных землевладельцев. Это понятие, прозвучавшее в резолюции женеvской группы социалистов-революционеров, возглавляемой Е. К. Брешко-Брешковской, было введено в политико-идеологический лексикон партии эсеров еще в 1904 г. Под этим термином, как разъяснялось в резолюции женеvской группы социалистов-революционеров, подразумевались «насильственные действия против имущества или против личности экономических угнетателей крестьянства: потравы, порубки и захваты имущества, совершаемые миром, поджоги и другие формы повреждения имущества, убийство помещиков, вооруженные нападения и т. п.» [1, с. 92]. Причем эсеры планировали придать этому явлению не стихийный, а планомерный и четко организованный характер через свою революционную агитацию и создание в деревне боевых дружин.

В годы Первой российской революции Саратовскую губернию в этом отношении можно считать своеобразным «зеркалом» процессов эскалации и маргинализации крестьянского движе-

ния не только Поволжья, но и Европейской части России. Современные исследователи, основываясь на архивных и статистических материалах, приводят численные показатели деструктивных последствий массовых крестьянских беспорядков и отмечают, что в 1905 г. «в Саратовской губернии было сожжено, разграблено или частично разрушено около 300 поместий, что составило 31,3% от общего числа пострадавших поместий в Европейской части России. Другими словами, на Саратовщине было уничтожено в 6 раз больше помещичьих усадеб, чем в любой другой губернии Российской империи» [2, с. 136]. Канун этих драматических событий 1905–1906 гг. также был ознаменован ростом криминальных проявлений крестьянского протеста. Всеподданейшие отчеты губернатора П. А. Столыпина о состоянии Саратовской губернии за 1902–1904 гг. ярко иллюстрируют эту тенденцию и проблемы землепользования. В докладах императору Столыпин подробно освещал ситуацию с крестьянскими выступлениями в губернии и приходил к убеждению, что «наблюдаемые неустройства являются показателями необходимости преобразования...» [3, с. 33].

Историография по теме аграрного движения позднеимперской России весьма обширна и разнообразна, однако в данном случае ракурс исследовательского интереса обращен непосредственно к работам, изучающим проблематику насильственных форм крестьянского протеста, в частности, аграрного террора. Здесь, прежде всего, следует выделить работы В. Л. Телицына [4], А. А. Бакаева [5], И. В. Лемаева [6] и О. Н. Квасова [7], где содержится характеристика террористической составляющей насильственных форм революционных выступлений. Проблемам мотивации крестьянского самосуда, с точки зрения представлений обычного права, посвящена публикация В. Б. Безгина [8]. Проблемам крестьянского движения в Саратовской губернии рассматриваемого периода посвящены труды В. М. Гохлернер [9], И. И. Бабикова [10], Д. П. Шишкина [11] и др. В последнее десятилетие вышли работы, в которых непосредственно рассматриваются различные аспекты насильственных форм крестьянского движения позднеимперской России на материалах Саратовской губернии: Е. П. Воробьева [12], Е. П. Воробьева и Р. В. Яценко [13], А. Ю. и Ю. В. Варфоломеевых [14], Ю. В. Варфоломеева и Л. Н. Шумиловой [2]. Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет статья Ю. В. Варфоломеева, посвященная осмыслению происхождения и генезиса эксцесса революционного насилия в крестьянском массовом сознании [15].

На протяжении многих десятилетий идет научное осмысление причин, содержания и особенностей крестьянского движения в России конца XIX – начала XX в. В 1992 г. группой

ведущих ученых-аграрников во главе с В. П. Даниловым был предложен оригинальный концептуальный проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.». В данной концепции обращают на себя внимание, прежде всего, два момента. Во-первых, авторы позиционируют турбулентность социально-политических и хозяйственно-экономических процессов Российской империи начала XX в. не в традиционном понимании аграрного или крестьянского движения как перманентном факторе социально-политической жизни страны, а в более глобальном контексте – крестьянской революции «как самостоятельном феномене, имеющем свою собственную логику развития», – констатирует В. В. Кондрашин [16, с. 85]. Во-вторых, эксклюзивный подход авторов идеи проявился и в определении хронологических рамок крестьянской революции в России. Вводя концепт «крестьянская революция» и понимая под этим протяженный во времени процесс кардинальной трансформации аграрных отношений и массового крестьянского сознания, В. П. Данилов и Т. Шанин фиксируют нижнюю и верхнюю границы этого явления, не совпадающие с общеизвестными и общепринятыми на протяжении многих десятилетий в отечественной историографии хронологическими рамками так называемой Первой русской, Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций. По их мнению, точкой отсчета крестьянской революции в России следует считать 1902 г., так как именно в этом году в течение нескольких недель на территории Полтавской и Харьковской губерний бушевали крестьянские беспорядки, поглотившие 165 сел и деревень с населением около 150 тыс. чел. [17, с. 8–10].

Усмирить восставших правительству удалось огромными усилиями и только с привлечением войск. Однако именно эти события, по мнению многих ученых, и, в частности, авторов концепции крестьянской революции, послужили детонатором и отправным моментом старта общероссийского крестьянского движения, распространившегося в течение нескольких месяцев по всей стране. Вместе с тем массовые крестьянские выступления, инициированные в 1902 г., по целому ряду признаков отличались от предшествующих аграрных выступлений. «Прежде всего отличия заключались в масштабах движения, его целях, поведении крестьян», – отмечает В. В. Кондрашин [16, с. 87]. Именно с этого момента крестьянский протест приобретает ярко выраженный радикальный характер, а требования бунтовщиков звучат все более беспрецедентно и ультимативно. Решительный настрой крестьян, открывающих своими действиями новый, теперь уже революционный период в истории страны, отмечает В. П. Данилов: «В 1902 г. на историческую сцену открыто

выступил *новый крестьянин* – крестьянин эпохи революции» [17, с. 9].

Верхняя граница крестьянской революции в соответствии с логикой этой концепции фиксируется 1922 г., когда советской властью был принят «Земельный кодекс», закрепивший, хотя только на словах и ненадолго, главное завоевание крестьянской революции – ликвидацию помещичьего землевладения, частной собственности на землю и право крестьянина свободно хозяйствовать на земле» [17, с. 22–23]. Однако в данной статье исследуются только начальные этапы рассмотренного концепта крестьянской революции – канун и период Первой российской революции.

Таким образом, на наш взгляд, следует согласиться с понятием и хронологическими рамками крестьянской революции. Во-первых, аграрные выступления крестьян, начавшиеся в 1902 г. на юге России, в Полтавской и Харьковской губерниях, были, как показали дальнейшие события, лишь социально-психологическим детонатором и прелюдией к массовым крестьянским восстаниям периода Первой российской революции, когда они охватили всю страну и в значительной степени Поволжье. Во-вторых, весьма убедительными представляются и выводы сторонников концепции крестьянской революции, резюмирующих, что крестьянское движение, и это особенно заметно с 1902 г., приобретает радикальный и напористый характер, подпитываясь и возбуждаясь антиправительственной пропагандой революционных партий.

В начале 2000-х гг. в российской историографии появляется еще одно научное представление о смысле, содержании и болевых точках крестьянского вопроса в России, сформулированное А. Н. Медушевским. Анализируя воззрения сторонников марксистско-ленинской идеологии по поводу аграрного вопроса, он отмечал, что, с одной стороны, проблематика крестьянского движения понималась ими в контексте классовых противоречий по поводу земельной собственности и взаимоувязанным с этим массовым протестом. С другой стороны, А. Н. Медушевский указывал, что советская интерпретация аграрного конфликта фокусировалась на способах ликвидации в деревне атавизмов докапиталистических отношений, а решение этой проблемы виделось в революции – экспроприации земельной собственности с последующей ее социализацией [18, с. 89–90].

В свою очередь, А. Н. Медушевский предлагает несколько иную концепцию понимания аграрного вопроса – «как осознания обществом легитимности прав на владение землей. <...> Она показывает, что от степени социальной артикуляции аграрного вопроса и выдвигаемых в обществе программ его решения зависят глубина конфликта и конкурирующие стратегии

его разрешения» [18, с. 90]. С этой точки зрения злободневный аграрный вопрос в России начала XX в. интерпретируется им как «новая социально-психологическая реальность, возникающая при переходе от традиционного общества к рациональному» [18, с. 60]. Следовательно, обе рассмотренные концепции признают в качестве одной из неотъемлемых и характерных черт аграрного движения позднеимперской России стремление крестьянства к переделу частнособственнической земли неправовыми, насильственными методами.

Рубеж XIX–XX вв. на территории Саратовской губернии совпал с «эскалацией деструктивных настроений в крестьянской среде, проявлявшихся в различного рода делинквентных поступках – оскорбление, сопротивление, а также нанесение побоев местной администрации и полиции; оскорбление членов суда и царствующих особ; отказ от исполнения судебных решений, а также выплаты выкупных платежей и земских сборов; незаконная рыбная ловля и порубка леса; богохульство и пр. Все это свидетельствовало о падении нравов и уровня законопослушания в крестьянской среде, а также о росте нетерпимости и агрессивности по отношению к представителям царской власти» [19, с. 66]. В рассматриваемый период в среде значительной части социально активного крестьянства заметно изменилось отношение к наиболее деструктивной и опасной форме протеста – насилию. Из отчаянного средства самозащиты и сопротивления оно постепенно трансформируется в осознанное орудие агрессии и устрашения противной стороны. Эту роковую тенденцию подтверждают официальные данные Саратовского губернского жандармского управления за 1900 г., которые приводит в своем исследовании Е. П. Воробьев: «За последние 5–6 лет стали часто повторяться в Саратовской губернии, и преимущественно в Балашовском уезде, рабочие и крестьянские беспорядки, направленные против помещиков и крупных земельных собственников. Общей чертой всех этих беспорядков является наглая дерзость крестьян, сознающих свою грубую массовую силу...» [12, с. 60–61]. Примером дерзкого поведения крестьян в отношении землевладельцев служит разбойное нападение группы сельчан на усадьбу помещицы Е. Д. Хотяинцевой в д. Ковалевке Балашовского уезда в ночь с 7 на 8 февраля 1902 г. В этом нападении участвовали 8 крестьян, вооруженных ружьями и топорами, главной целью которых, как они сами подтвердили на суде, было завладение имуществом богатой землевладелицы. Однако их преступное посягательство было сорвано местными жителями, которые, услышав шум, звуки стрельбы и крики, бросились на помощь в соседнюю усадьбу [20, л. 2–4]. Вместе с тем отчаянная наглость крестьян проявлялась

и в их противостоянии с местной администрацией и полицией. Известен случай, когда в 1902 г. в с. Хованщина Сердобского уезда Саратовской губернии 52 жителя участвовали в избиении полицейских, прибывших в село для наведения порядка [21, л. 1–2].

В то же время, не всегда встречая адекватное и жесткое противодействие со стороны жертв и правоохранительных органов, крестьяне год от года, убеждались в слабости ответной реакции властей и, нередко ощущая безнаказанность в своей борьбе, делали ставку именно на инструменты насилия как наиболее действенные, по их убеждению, средства для достижения поставленных целей. Сопоставляя количественные и качественные характеристики противоправных действий в крестьянской среде (на примере Саратовского Поволжья), А. Ю. и Ю. В. Варфоломеевы делают вывод о том, что в этот период происходит «...эволюция характера государственных преступлений в сторону радикализма, массовости и десакрализации царской власти» [14, с. 90]. Именно эти изменения, эта «революция» в массовом крестьянском сознании, по нашему мнению, предопределили характер и содержание начавшейся крестьянской революции, в частности, постепенную эскалацию аграрных волнений в Саратовской губернии, закономерно подошедшую к своему апогею в 1905–1906 гг. «Все события 1904 и начала 1905 года должны были зажечь пожаром тот горючий материал, который накопился в деревне, – отмечал П. П. Маслов, – и, действительно, с февраля месяца крестьянское движение вспыхивает с еще небывалой силой, возникая стихийно в различных местах обширной страны» [22, с. 209].

Впоследствии в ходе судебных процессов по делу об этих аграрных беспорядках были наглядно представлены идеология, цели и настрой погромщиков. Ю. В. Варфоломеев, ссылаясь на архивные документы, приводит характерную мотивацию восставших крестьян на примере разгрома экономии Роговского: «Мы сами нашли свое право; ты сегодня хозяин своего дома, а завтра мы им будем распоряжаться, через неделю разделимся твоей землей, которая будет наша, а не твоя, тебя прогоним, оставим тебе только сад с землей» [2, с. 140]. Подобная логика насильственного передела земли в свою пользу становилась в крестьянском массовом сознании общепринятой и повсеместной. Аналогичный настрой и цели прослеживались и в действиях крестьян в ходе разгрома усадьбы дворян Крымских Аткарского уезда Саратовской губернии в 1905 г. На суде один из свидетелей заявил, что цель у погромщиков была одна – «разгромить усадьбы помещиков, а затем завладеть их землей» [2, с. 141]. Подобная логика насильственного передела земли в свою пользу стойко закреплялась в крестьянском массовом сознании

и все чаще становилась общепринятой и повсеместной.

Важную роль в процессе перерождения «мирного сеятеля» в беспощадного погромщика играли социально-психологические факторы и революционная пропаганда в крестьянской среде. Саратовский губернатор П. А. Столыпин в 1903 г. давал следующее объяснение ситуации: «Неблагополучное материальное положение сельского населения дало возможность врагам государственного порядка направить свою деятельность в среду крестьянскую и произвести попытки к возбуждению крестьян против землевладельцев с целью нанесения последним ущерба, главным образом путем земельных захватов и поджогов владельческих построек» [3, с. 16]. Анализируя социальную психологию крестьянства, Е. П. Воробьев выделяет ее специфические особенности: «Противоречивое сочетание коллективного и индивидуального начал, высокий уровень терпеливости, миролюбие и наряду с этим недоверие к чужакам, наивность и эмоциональность представителей данной общественной группы» [12, с. 61]. Однако «недоверие к чужакам» в сельской местности, а в данном случае – к эсерам и социал-демократам, в начале прошлого столетия постепенно сменяется сначала интересом со стороны крестьян, а затем и выборочным восприятием ими революционной пропаганды. Опираясь на свидетельства с мест, Б. Б. Веселовский отмечал, что «именно с конца 1901 г. и начала 1902 г. начала развиваться деятельность “подпольных” агитаторов в деревне. Наиболее энергичной на первых порах являлась партия социалистов-революционеров, которая сразу нашла большое сочувствие среди демократически настроенной интеллигенции – учителей, земских служащих и т. д. Все агитационные брошюры “Аграрной лиги” были проникнуты наивной верой в спасительность аграрного террора причем, мысль – добиться таким простым способом лучшей доли – встретила во многих местах сочувствие и со стороны крестьян, результатом чего, явились участвовавшие в конце 1902 и начале 1903 гг. поджоги помещичьих усадеб. В особенности это следует сказать относительно Саратовской губернии, где раньше всего и прочнее всего с.-р. удалось организовать работу в крестьянстве» [23, с. 64].

Одной из самых страшных и опасных форм насилия, применяемых крестьянами по отношению к собственникам частновладельческих земель, был поджог. «Согласно нормам обычного права самыми тяжкими преступлениями в деревне являлись поджог, конокрадство и воровство», – отмечает В. Б. Безгин, причем справедливо ставит на первое место среди этих преступлений именно поджог [8, с. 152]. Погромщики и сами понимали, что это была крайне жестокая и бесчеловечная форма противоборства

с помещиками, но целенаправленно и сознательно прибегали к подобным действиям, так как считали, что это деяние является не только актом возмездия за несправедливое, по их мнению, владение землей противной стороной конфликта, но и самым действенным способом изгнания ненавистного владельца из этой местности, так как ему в дальнейшем негде будет жить. «Использование “красного петуха” для защиты своих интересов подкреплялось острыми психологическими мотивами: ненавистью к помещикам, желанием отомстить за прошлые обиды, растущим ощущением вседозволенности», – считают Е. П. Воробьев и Р. В. Яценко [13, с. 177]. Увязывая морально-психологические установки крестьянства с их социально-правовой мотивацией, А. Н. Медушевский делает вывод, согласно которому динамика частнопровых отношений проявлялась «в разрыве представлений о сущем и должном, действующим правом и тем, которое кажется более справедливым» [18, с. 90].

Яркой иллюстрацией количественного роста и прогрессирующей динамики поджогов, используемых крестьянами в качестве одной из крайних форм насилия по отношению к помещикам, являются данные, которые приводил в своем исследовании еще в начале 50-х гг. прошлого века И. И. Бабилов. По его подсчетам, в 1896–1899 гг. на территории Саратовской губернии от крестьянских поджогов пострадало 101 помещичье имение, а уже в следующие 5 лет число подобных преступлений выросло более, чем в 2 раза, и составило 234 поджога [10, с. 182]. Тактика и хроника крестьянской войны с помещиками хорошо прослеживается по материалам агентурных донесений в Саратовское губернское жандармское управление. Так, в августе 1901 г. правоохранителям стало известно, что крестьяне нескольких сел Балашовского уезда замышляют весной следующего года самовольно захватить земли местных помещиков и «удалять их из их владений посредством угроз поджогами и убийствами» [24, л. 1–3].

Характерный эпизод комплексного противоборства крестьян с законным собственником земли был подробно описан в 1902 г. в эсеровском печатном органе «Революционная Россия». Суть конфликта, изложенная эсеровским корреспондентом в газете, заключалась в остром земельном споре в с. Урлейка Петровского уезда Саратовской губернии между местными крестьянами и землевладельцем Е. П. Угаровым – собственником участка размером 200 десятин, незадолго до этого принадлежавшего помещику Епиширлову. Добрососедские отношения крестьян-арендаторов с Угаровым не сложились. Между ними в течение нескольких лет происходили постоянные столкновения. Ко всему прочему в собственность к Угарову перешла земля, использовавшаяся крестьянами под огороды. И хотя этот передел земли был подтвержден

казенным землемером и имелось на этот счет судебное решение, крестьяне, недовольные этой ситуацией, крайне озлобились на Угарова. «Изверившись горьким опытом в законе и суде, – сопереживал крестьянам эсеровский корреспондент, – крестьяне в борьбе с помещиками пришли к практическому выводу: “мы ж их (помещиков) разсудим, мы ж с ними и справимся”» [25, с. 20].

Другими словами, не считаясь с проведенными землемером замерами и межеванием земельных угодий, а также игнорируя судебное решение, крестьяне решили использовать различные формы насилия и запугивания по отношению к неуголному им землевладельцу: «Формой борьбы становились наиболее экстремистские индивидуализированные виды протестования: от хулиганских выходов, в виде битья окон, до поджогов и убийств», – отмечает О. Н. Квасов [7, с. 286]. На страницах эсеровской газеты подробно описывались преступные «подвиги» крестьян: «За 5 лет хозяйствования в Урлейке, Угарова сжигали раза три: то подожгут амбары, то конюшни; не раз его и били, несколько раз удавалось ему уезжать от нападавших на него в поле, иногда спасался он лишь благодаря своей атлетической силе. Однажды пробовали угостить его увесистым камнем, да промахнулись» [25, с. 20]. Местные власти, наблюдая за противоправными действиями крестьян в отношении Угарова, старались принимать меры против злоумышленников по предотвращению этих бесчинств: во-первых, пытались заставить крестьян выдать виновных, но неписанные правила круговой поруки последних не допускали подобных действий; во-вторых, власти обязали урлейское общество еженедельно выставлять караулы (примерно по 30 чел.) в усадьбе Угарова. Кроме того, в Урлейке регулярно бывали и полицейские чины, однако преступников так и не удалось найти.

Между тем крестьяне затаились, но не отказались от своих преступных замыслов в отношении обидчика, ожидая подходящего момента, чтобы с ним окончательно расправиться. И такой случай скоро представился. Крайнее негодование у крестьян вызвал запрет со стороны Угарова гонять их скотину на водопой по его участку. Реакция крестьян не замедлила себя ждать. Осенью 1901 г. они подбросили Угарову записку, в которой недвусмысленно угрожали физической расправой: «Теперь не бойся огня, а от нынешнего дня бойся крови» [25, с. 20]. Буквально через несколько дней угроза была приведена в исполнение: когда несговорчивый землевладелец стоял у окна в своей комнате, кто-то выстрелил в него из ружья дробью. Угаров только чудом остался жив, но лишился левого глаза и продолжительное время пролежал в больнице. Покалеченный землевладелец, решив, очевидно, не испытывать судьбу в противостоянии с крестьянами, разре-

шил им прогон скота на водопой через свой участок.

Оценивая криминальный характер насильственных действий крестьян в отношении землевладельца Угарова, следует, на наш взгляд, назвать их террористическими или в данном контексте – проявлением аграрного террора. Обоснованием данного определения их действий служит, во-первых, наведение страха на оппонента в земельном споре, посредством угроз убийством, шантажа и запугивания. Во-вторых, и самое главное – это приведение своих преступных намерений в действие путем такой крайне опасной формы насилия, как покушение на убийство. Таким образом, следует согласиться с выводом Д. Б. Павлова о том, что «ведущей формой крестьянской борьбы были насильственные действия крестьян в отношении личности помещика и его имущества, получившие в интеллигентских кругах наименование “аграрного террора”» [26, с. 28].

Современные исследователи также квалифицируют подобные действия как террористические. По мнению Ю. В. Варфоломеева, «эксцесс революционного насилия стал обязательным атрибутом крестьянского движения 1905–1906 гг., проявляясь в своих крайних формах – грабежах, вооруженных нападениях, погромах и поджогах. В этом смысле эти виды крестьянской криминальности напрямую коррелируются с революционным терроризмом, и это вполне объяснимо, ведь идеологи и в том, и в другом случае, как правило, одни и те же – эсеры» [15, с. 381–382]. С формально-юридической точки зрения, происшествие с Угаровым – это преступление, но в психологии крестьянства оно оправдывалось многовековым убеждением и стремлением к справедливости. Данный аспект в их противостоянии с помещиками был главным. Действительно, в этой ситуации, очевидно, было несправедливо со стороны Угарова ущемлять права личностей крестьян, лишая их доступа к водоему, не являвшемуся частной собственностью. Эта несправедливость, на наш взгляд, и стала основным побудительным мотивом действий возмущенных крестьян.

Для поимки преступника, стрелявшего в Угарова, в село прибыл следователь. Крестьяне же, чувствуя свою неуязвимость в изобличении совершенного ими преступления, издевательски подбросили сыщику шерсть для пыжа и письмо, составленное из вырезанных из газет печатных букв, наклеенных на бумагу, и насмешливо уведомлявшее его о том, что посылаются настоящие пыжи, а того, кто стрелял, следователь не найдет, сколько бы ни сидел в деревне [25, с. 20]. Расправа крестьян над неуголным землевладельцем Угаровым вкупе с осознанием ими своей безнаказанности воспринималась как их общая победа в земельном споре. «Эта форма (протеста), оставаясь индивидуальной по своей природе, даже

если в убийстве участвовала группа, вместе с тем по своим последствиям в сознании крестьян представлялась как освобождение коллектива», – констатирует Б. Г. Литвак [27, с. 122]. Правоохранители долго и безуспешно пытались найти виновных, а крестьяне, наблюдая за всем этим, только «ухмылялись себе в бороды: “Мы мол, знаем, что знаем”. Так следователь и уехал ни с чем из села» [25, с. 20], – с нескрываемым злорадством подытоживал эсеровский журналист. При этом он пришел к выводу очень важному для функционеров их партии, работавших в деревне: «Эта история лишней раз свидетельствует о том, что наши крестьяне умеют, когда хотят, превосходно прятать концы в воду, и что мнение о невозможности в деревне необходимой при революционной работе конспирации – лишено всякого основания» [25, с. 20]. Этот растиражированный в революционной прессе эпизод, как и многие другие, подобные ему, демонстрирует тенденцию нарастания агрессивных настроений в крестьянской среде, а также указывает на прогрессирующую эскалацию насильственных действий крестьян по отношению к бывшим помещикам и другим землевладельцам. В этой связи Ю. В. Варфоломеев приходит к следующему выводу: «Эксцесс революционного насилия являлся неотъемлемой чертой всех противоправных действий, совершавшихся под лозунгами радикальных партий, включая требования “справедливого” перераспределения земли» [15, с. 382].

По итогам проведенного исследования следует констатировать, что начало прошлого столетия в Российской империи ознаменовалось значительным ростом различных форм протестных выступлений крестьянства. Эта тенденция подтверждается привлеченными к анализу проблемы материалами Саратовской губернии. Накануне Первой русской революции особенно опасный характер стали принимать эскалирующие формы насильственных действий крестьян в отношении землевладельцев, которые имели все признаки аграрного террора. Вместе с тем необходимо согласиться с выводом Д. П. Шишкина о том, что «массовое крестьянское движение во время Первой русской революции заставило правительство взять курс на формирование личной земельной собственности <...> Необходимым условием эффективности аграрных преобразований был учет локальных факторов и местных особенностей различных регионов обширной Российской империи» [11, с. 45]. Таким образом, нерешенность аграрных проблем и апогей «крестьянской революции» 1905–1906 гг. вынудили царские власти в период премьерства П. А. Столыпина пойти на целый ряд масштабных преобразований в аграрном секторе страны.

Список литературы

1. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. : Мысль, 1975. 383 с.
2. Варфоломеев Ю. В., Шумилова Л. Н. Погромные «иллюминации»: особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (78). С. 135–145.
3. «Всемиловейше повелено быть саратовским губернатором...» (к 150-летию П. А. Столыпина) / редкол. : А. В. Воронежцев, А. И. Пиреев, Н. В. Самохвалова, Н. И. Широка. Саратов : Издательский центр «Наука», 2012. 274 с.
4. Телицын В. Л. Аграрный террор, или Феномен деревенского бунтарства // Духовность: Журнал гуманитарных исследований. 2003. Кн. 3: Октябрь – март. С. 154–162.
5. Бакаев А. А. Проблема «аграрного террора» в советской историографии // Российский следователь. 2004. № 12. С. 45–47.
6. Лемаев И. В. Феномен аграрного террора в крестьянском движении во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской губернии) // Успехи современной науки и образования. 2017. № 10. С. 157–163.
7. Квасов О. Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.). Воронеж : ФГБОУ ВО «ВГЛУ», 2022. 308 с.
8. Безгин В. Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152–157.
9. Гохлернер В. М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.) // Ученые записки Саратовского университета. 1956. Т. 55. С. 219–245.
10. Бабиков И. И. Крестьянское движение в Саратовской губернии накануне первой русской революции // Ученые записки Саратовского университета. 1956. Т. 55. С. 172–218.
11. Шишкин Д. П. Содержание и основные особенности реализации столыпинской аграрной реформы в Саратовской губернии в начале XX века // Манускрипт. 2018. № 8 (94). С. 45–48. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.10>
12. Воробьев Е. П. Социально-психологические аспекты крестьянского движения в Нижнем Поволжье в 1861–1904 годах // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 45–63.
13. Воробьев Е. П., Яценко Р. В. Поджоги как форма крестьянского движения в пореформенный период : по материалам Саратовской губернии // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 177–187.
14. Варфоломеев А. Ю., Варфоломеев Ю. В. Количественные и качественные изменения в структуре государственных преступлений в начале XX века (по материалам Саратовской судебной палаты и окружного суда) // Базис. 2023. № 1 (13). С. 83–91.

15. Варфоломеев Ю. В. Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 378–382. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>
16. Кондрашин В. В. «Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.»: научный проект и научная концепция (предварительные заметки) // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 85–89.
17. Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть : материалы конференции (Тамбов, 7–8 апреля 1995 г.) / отв. ред. С. А. Есиков. М. : МШСЭН ; Тамбов : ТГТУ, 1996. С. 4–23.
18. Медушевский А. Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. № 1. С. 59–98.
19. Утцулиев Ж. А. Эскалация деструктивных настроений в крестьянской среде накануне Первой русской революции (по материалам Саратовской Судебной палаты и окружного суда) // Базис. Научно-практический журнал. 2022. № 2. С. 64–67. <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-212-64-67>
20. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 8 (Саратовский окружной суд Министерства юстиции). Оп. 1. Д. 255.
21. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254.
22. Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. М. ; Л. : Госизд-во, 1926. 435 с.
23. Веселовский Б. Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России: (1902–1906 гг.). СПб. : Зерно, 1907. 172 с.
24. ГАСО. Ф. 53 (Саратовское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 121.
25. Как крестьяне учат разубаевых // Революционная Россия. 1902. № 7. С. 20.
26. Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М. : Издательство Всесоюзного заочного политехнического института, 1989. 239 с.
27. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. : История и методика изучения источников. М. : Наука, 1989. 252 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 28.06.2024